

"Приутихло-приуныло море синее..."

(Арханг. губ.)

Приутихло-приуныло море синее,
Глядучись-смотримись со черных кораблей.
И со тех марсов карабельных,
И со тех трубочек подзорных
И на те на круты красны бережки.
Приутихли-приуныли круты красны бережки,
Глядучись-смотримись с черных кораблей,
И со тех марсов карабельных,
И со тех трубочек подзорных
На те на горы высокия,
И на те поля зеленяя.
Приутихли-приуныли поля зеленяя,
Глядучись-смотримись на государев двор:

Преставляется царица благоверная
Молодая Софья дочь Романовна;
В головах сидят два царевича,
В ногах сидят млада две царевны,
Супротив стоит сам Грозен царь,
Грозный царь Иван Васильевич.
Говорит царица таковы речи:
«Уж ты слушай, царь, послушай-ко,
Чтó я тебе, царица, повыскажу:
Не будь ты яр, будь ты милостив
До своих до младых двух царевичев:
Когда будут они во полном уме
И во твердом будут разуме,
Тогда будет оборона от новых¹ земель.
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Когда будут девицы во полном уме,
Во полном уме, в твердом разуме,
Ты тогда отдавай девиц замуж.
Еще слушай, царь, ты послушай-ко,

Что́ я тебе, царица, повыскажу:
Не будь ты яр, будь ты милостив
До своих до князей, до думных бояр,
И до того ты до дядюшки любимого,
И до своего ты до крестного батюшки,
До того Богдана Сирского:
И тут твоя дума крепкая.
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Не будь ты яр, будь ты милостив
До своих солдатушек служащих:
И тут твоя сила верная.
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Не будь ты яр, будь ты милостив
До всего народу православного.
Еще слушай, царь, ты послушай-ко,
Что́ я тебе, царица, принакажу.
Принакажу и повыскажу:
Когда я, царица, преставлюся,
Не женись ты, царь, в проклятой Литве
На той ли на Марье Темрюковне,
А женись ты, царь, в каменной Москве,
На той Супаве татарские:
Хоша есть у ней много приданого,
Пановой-улановой и злых поганых татаровой,
Есть у ней брателко родимое,
Молодой Кострюк сын Темрюкович».
И тут царица просыпалась².
Тут царице славу поют.

Прошло времени три месяца,
Похотел сударь Грозен царь,
Грозный царь Иван Васильевич,
И покатился он в ту ли матушку прокляту Литву,
Покатился и жениться
На той на Марье Темрюковне.
Он не слушал своего крестного батюшки,
И того Богдана Сирского,
Приезжал он скоро в прокляту Литву,
И брал он Марью Темрюковну,
И со тем со брателком родимым,

Кострюком Темрюковичем.
Отправлялся он из проклятой Литвы.

Не дошел он матушки каменной Москвы,
Равномерных верст пятисотных,
За сто верст становил он свою силу-армию
И сходил он скоро со добра коня,
И брал он чернильниу вольянскую³,
И брал перо лебединое,
И брал бумагу лист гербовая
И писал он скоро посолен лист,
И посолен лист на золот стол
Своему дядюшке любезному,
И крестному батюшку Богдану Сирскому:
«Дядюшка Богдан ты мой Сирский!
Стрень ты меня с честью и с радостью,
И со тем петьем Божьим-церковным,
И со тем со звоном колокольным,
Со той пальбой пушечной».
Отправлялся его скорой гонец,
Скорой гонец и скорой посол:
Не стретил его дядюшка любимой за сто верст.

Не дошел он до матушки каменной Москвы,
За двадцать за пять становил он свою силу-армию,
Отправлял скоро гонца,
Скора гонца и скоро посла,
Чтобы чистить улицы широкия,
Исправить фатеры дворянския,
«Где стоять моей силе-армии».
И приваливал он в матушку каменную Москву:
И не стретил его любезной дядюшка,
И тот Богдан Сирский,
Не с петьем Божьим-церковным,
И не с тем звоном колокольным,
И не с той пальбой пушечной.
Заезжал сударь Грозен царь,
Грозный царь Иван Васильевич,
И во ту церковь Божию,
Принимал златы венцы

И со той Марьей Темрюковной.

На той на радости великия
Заводил он почестен пир,
На всех на князей, на думных бояр,
На сильных могучих богатырей.
Солнышко идет к западу,
И к западу идет — ко закату,
А почестен пир на весело.
И все в пиру пьяны-веселы.
Говорит ему шурина любимой,
Молодой Кострюк сын Темрюкович:
«Ай ты, мой зятюшко любезный,
Грозен ты царь Иван Васильевич!
Есть ли у вас в каменной Москве
Борцы-молодцы приученные,
Кабы мне с ними поборотися?»
Требовал сударь Грозен царь,
Грозен царь Иван Васильевич:
Борцей-молодцей не случилось.

Только случился Васенька Хромоногенькой:
На леву он ножку припадывает,
По двору прихрамывает,
И ко двору государеву придвигается,
И входит в палаты царския.
И говорит Кострюк сын Темрюкович
Своему зятелку любезному:
«Чёрт у вас, не борцы-молодцы,
[Не борцы-молодцы] и не приученные!»
Говорит Вася Хромоногенькой:
«Ах же ты, сударь-таки Грозен царь!
Ежели Бог пособит, Никола поможет
Кострюка побороть:
Из платья вон его вылупить,
И по двору его нага пустить?»
Говорит сударь Грозен царь,
И Грозен царь Иван Васильевич:
«Ежели бы тебе Бог помог
И Микола пособил Кострюка побороть,

Из платья вон его вылупить
И по двору нага спустить, —
Пятьдесят рублей тебе жалованья!»

На левую ножку он, Вася, припадывал,
А правой ножкой подхватывал,
И метал Кострюка о кирпичной пол:
На брюхе его кожа трёснула,
На хребте его кожа лопнула.
Из платья он его нагой⁴ вылупил:
Не Кострюк был Темрюкович,
Да и не брателко-то ей был родимое:
Была поляница удалая⁵.
Брал царь свою Марью Темрюковну,
И вел он в далече чисто поле,
Стрелял он ей в ретиво сердце:
Тут ей и славу поют.

Тогда слушал он своего дядюшку любезного,
И Богдана того Сирского:
И женился он в каменной Москве,
В каменной Москве на святой Руси.

(Записано г. Максимовым; ср. Сборн. Якушк., Отеч. Зап.)

Песни, собранные П. В. Киреевским, Ч. II. Песни былевые, исторические. Вып. 6. Москва. Грозный царь Иван Васильевич, 1864.

1 «Ново́й» в местном наречии значит «иной».

2 Вероятно ошибка вместо «преставилась».

3 Вальяжную.

4 Нагого.

5 Поляницею назывались древние богатыри: но здесь певец полагал, что это женщина, сама передетая царица; ср. Песни, собр. Рыбниковым, где Кострюк по некоторым преданиям, и вероятно по тому же поводу, является женщиной. — О.